

африканской, но и всей западной церкви. Учение Августина существовало как универсальная парадигма христианского философствования, как авторитет, на который ориентировался каждый мыслитель христианского Запада.

Таким образом, учение Августина стало определяющим духовным фактором средневекового мышления и сыграло существенную роль в развитии этических христианско-теологических концепций, права, политики и церкви. Многие теоретические и практические идеи Августина не утратили своего значения и сегодня, взгляды о единстве истории, об исторической роли человека, о взаимоотношениях светской и церковной властей сохраняются в некоторых современных социально-политических и государственно-правовых доктринах, не утратив своей актуальности. Работы мыслителя вызывают интерес у современников, и изучаются в настоящее время, что свидетельствует о том, что Аврелий Августин является одним из великих мировых философов, внесших значимый вклад в развитие мировой философии как науки.

Список цитируемых источников

1. Мозжилин, С. В. Рефлексия понятий «дух» и «Бог»: от Платона к Августину // Наука и общество. – 2013. № 1 (10), С. 66-72.
2. Блаженный Августин. Об истинной религии. – Магнитогорск: МИК, 2013. – 1200 с.
3. Тронд Берг Эриксен. Августин. Беспокойное сердце (перевод с английского). – М.: Прогресс-Традиция, – 2013. – 384 с.

В. И. Кривуть

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ПРАВОСЛАВНАЯ МОЛОДЕЖЬ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В ПЛАНАХ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ МЕЖВОЕННОГО ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

Введение. Конфессиональный момент, взаимоотношения с церковью и молодыми верующими, очень часто являются важной составляющей частью официальной молодежной политики. Особенно, если данная политика осуществляется в многоконфессиональном государстве. Это в полной мере относится к мероприятиям, проводившимся в молодежной среде Западной Беларуси, которая в межвоенный период находилась в составе Польши или т.н. 2-й Речи Посполитой (2-й РП). К сожалению, вышеназванный аспект молодежной политики польских оккупационных властей до сих пор не нашел достаточного отражения в отечественной историографии. В данной статье делается попытка рассмотреть эту достаточно актуальную для белорусской исторической науки проблему, что позволит составить более объективную картину весьма сложных процессов, происходивших в западной регионе Беларуси в 1920 – 1930-х гг.

Основная часть. Необходимо отметить, что население межвоенного польского государства можно считать достаточно молодым – люди в возрасте 15 – 24 лет составляли значительную часть в его структуре. По сведениям тогдашних демографов, на протяжении 1921 – 1936 гг. процент молодежи по отношению ко всему населению страны колебался от 21,7% до 16,7% [1, с. 11].

Если же говорить непосредственно о Западной Беларуси, то, по данным официальной всеобщей переписи населения 1931 г., на территории Виленского, Новогрудского, Полесского воеводств и в 5 поветах Белостокского воеводства проживало 4 163 534 человека, из них 814 193 человека или 19,5% в возрасте от 15 до 24 лет [2 – 6]. Как и большинство всего населения региона, большая часть молодого поколения проживала в сельской местности. В городах тут жило только 14,34% местной молодежи, в то время как в среднем по стране – 28,4% [1, с. 18].

Большие дискуссии вызывает вопрос о национальном составе молодого поколения Западной Беларуси. Конечно, он приблизительно соответствовал национальному составу всего населения региона. Если верить данным упомянутой переписи населения 1931 г., то в Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах в качестве родного языка польский назвали 42,5% населения, а белорусский – 22,5% [7, с. 221]. В абсолютных числах это составило 1 483 211 поляков и 719 339 белорусов соответственно [8, с. 132].

Но к официальным польским данным следует относиться критически. Даже в секретном исследовании, которое было подготовлено специально для Института изучения национальных дел в 1939 г., отмечалось, что результаты переписи 1931 г. по вопросу родного языка «показывают относительные несоответствия для почти 50% районов». Например, в исследовании приводился случай в гмине Козловщина Слонимского повета. Там местная учительница, проводившая перепись, указала такой высокий процент «поляков-православных», что даже гминные власти начали протестовать, утверждая, что «ошибка является чрезмерно заметной» [8, с. 129]. Польские власти шли и на сознательный обман, когда в поляки записывались белорусы-католики. Также, используя низкое национальное самосознание части белорусов, более 700 000 человек, в основном на территории Полесского воеводства, были объявлены «тутэйшними», которые считались своеобразной этнической группой польского населения.

Польская перепись населения 1931 г. активно оспаривается в современной отечественной историографии. называются разные числа относительно количества населения белорусского населения восточных воеводств 2-й РП. Наиболее вероятными можно признать сведения, которые были приведены в «Очерках истории Беларуси» в середине 1990-х гг.: на территории Виленского, Новогрудского и Полесского

воеводств белорусы составляли 67% населения, поляков было не 42,5%, а 12 – 13%. Кроме того, тут проживало 5 – 6% украинцев, около 9% евреев, 3% литовцев, 2% русских [7, с. 221]. Некоторые ученые считают, что в 1931 г. в регионе из 4 млн. 600 тыс. человек белорусы составляли 65%, а поляки – 15% [9, с. 371].

В любом случае можно считать, что белорусы составляли значительное большинство населения Западной Беларуси. Соответственно можно утверждать, что и белорусская молодежь составляла большинство среди своих ровесников. Тем более, если принимать во внимание, что белорусы жили в основном в деревне, где в семьях детей было обычно больше, чем в городах.

Что касается конфессионального состава молодого поколения западнобелорусских воеводств 2-й РП, то тут также можно экстраполировать данные о конфессиональном составе всего населения региона. Известно, что в 1930-х гг. в Белостокском воеводстве 58,6% населения составляли католики, 16,1% – православные (в основном в восточных поветах), 14,7% – иудеи, 1,6% – представители других конфессий. В Виленском воеводстве 61,2% жителей были католиками, 26,8% – православными, 9,4% – иудеями, 2,6% – относились к другим конфессиям. Несколько иной была ситуация в двух других воеводствах. Так, 51,2% населения Новогрудского воеводства являлись православными, 39,5% – католиками, 9,0% – иудеями и только 0,3% принадлежали к другим конфессиям. В Полесском воеводстве процент православных среди населения был самым высоким – 79,2%. Также тут проживало 7,8% католиков, 12,6 иудеев. 0,4% населения воеводства относилось к другим религиозным группам [10, с. 31 – 32]. Таким образом, православная молодежь должна была составлять значительную часть молодого поколения региона.

Впрочем, следует отметить, что тогдашняя западнобелорусская пресса иногда говорила о «деморализации» молодого поколения, проявлявшейся в безразличном или даже враждебном отношении к церкви, как православной, так и католической. Причинами этого объявлялись недостатки правительственной молодежной политики и коммунистическая антирелигиозная пропаганда: «Благодаря отсутствию рационально поставленного гражданского воспитания наша молодежь портится морально, в результате чего устрашающим образом в деревнях распространяется хулиганство, кражи и всяческие другие преступления. Пропаганда безбожников также дает свои результаты.

Молодежь почти совсем не ходит в церковь и костел и вообще не проявляет никакой заинтересованности вопросами морального характера. Все чаще происходят случаи активных выступлений против христианского духовенства, имеющие явно хулиганский характер и безусловно руководимые подпольными, коммунистическими силами» [11, с. 3]. Однако вряд ли эти процессы можно объяснить только неким внешним подрывным влиянием. Несомненно, имели место и более глубокие причины такого положения. Очень тяжело ожидать «заинтересованности вопросами морального характера», когда в условиях западнобелорусской деревни существовала реальная угроза нищеты и голода. Также необходимо отметить и то, что церковные круги, особенно православные, не всегда были способны учитывать молодежную специфику, чтобы распространить свое влияние на молодых прихожан.

Межвоенные годы стали достаточно сложным периодом для православия на территории Западной Беларуси. Рижский мирный договор (18 марта 1921 г.) предусматривал, что польское государство предоставит русским, украинцам и белорусам, находящимся в Польше на основе равноправия национальностей, все права, в том числе и свободное отправление религиозных обрядов. Кроме того стороны, подписавшие договор, договорились не вмешиваться в жизнь религиозных организаций, находящихся на территории другого государства. По мнению польских властей, данные положения соглашения, предоставляли им право контроля над православной церковью и давали возможность сделать ее автокефальной. Постановление об автокефалии было принято на Соборе епископов в Варшаве в 1922 г. Церковь стала называться «Польская Автокефальная Православная Церковь» (ПАПЦ). Позднее автокефалия была утверждена Константинопольским Патриархом и официально объявлена 17 сентября 1925 г. Данное решение вызвало неоднозначную реакцию, как в церковных кругах, так и в обществе. Хотя польские власти считали провозглашение автокефалии своим успехом, она рассматривалась православным населением как проявление религиозной и национальной дискриминации, что вызывало враждебность к польскому государству и препятствовало ассимиляции восточных земель [12, с. 523 – 524].

В 1923 г. была проведена реорганизация территориальной структуры православной церкви, согласованная с административным делением польского государства. Создавались пять епархий. Три из них – Гродненская, Виленская и Полеская – так или иначе, охватывали территорию Западной Беларуси. В состав Гродненской епархии входили территория Белостокского воеводства и четыре повета Новогрудского воеводства: Слонимский, Несвижский, Барановичский и Новогрудский. Виленская епархия охватывала Виленское воеводство и три повета Новогрудского воеводства: Лидский, Столбцовский и Воложинский. Самая большая по площади Полеская епархия в принципе совпадала с территорией Полесского воеводства. Всего в трех епархиях было 470 приходов и 158 филиалов, 648 священников (данные за 1922 г.), по сведениям Министерства религиозных вероисповеданий и публичного просвещения в ноябре 1933 г. в Виленской епархии насчитывалось 470 000 верующих, в Гродненской – 640 000 верующих, а в Полеской – 950 000. Для сравнения, остальные две епархии насчитывали: Варшавская – 270 000 верующих и Вольнская (самая многочисленная) – 1 300 000 верующих. Как отмечают современные польские исследователи,

абсолютное большинство православных епископов проявляло лояльность по отношению к польскому государству [13, с. 316 – 317].

Следует сказать, что в межвоенном польском государстве не существовало никакой православной молодежной организации. Этим православная церковь серьезно отличалась от римско-католической, при которой активно действовал Союз польской молодежи (СПМ), первые кружки которого появились на территории Западной Беларуси в 1926 г. [14, л. 476]. Согласно уставным документам СПМ заявлялось, что основная его цель – воспитание образованных и активных членов католической церкви, подготовка их к индивидуальному и коллективному апостольству, а также распространение католических принципов во всех сферах жизни и культуры [15, с. 3]. В 1934 г. произошла реорганизация данного объединения: были созданы отдельные организации для юношей и девушек – Католическое объединение мужской молодежи (КОММ) и Католическое объединение женской молодежи (КОЖМ) [16, с. 1112 – 1113]. С течением времени католические молодежные организации стали самыми массовыми во 2-й РП.

В эти объединения принималась «вся христианская молодежь в возрасте от 14 до 25 лет». Разумеется, что под христианской молодежью имелась в виду молодежь католического вероисповедания. Поэтому молодые православные белорусы автоматически выпадали из-под влияния СПМ. Но при этом свою «опеку» над ними пытались распространить разного рода польские проправительственные организации молодежи – Стрелецкий союз «Стрелец», Союз сельской молодежи – Союз молодой деревни (ССМ – СМД), Организация трудящейся молодежи (ОТМ) и ряд других. Например, в 1933 г. членами кружков ССМ, действовавших на территории Ошмянского повета, были 499 католиков и 123 православных [17, с. 6].

Тем не менее, оставались еще две сферы за пределами стен храмов, где православное духовенство имело возможность взаимодействовать со своими молодыми прихожанами. Это были школа и армия. Так во всех учебных заведениях 2-й РП (за исключением вузов), содержавшихся за счет государства или местного самоуправления, обязательной была катехизация – обучение основам религии. Это относилось ко всем главным конфессиям межвоенного польского государства: католической, православной, иудейской, мусульманской, протестантской [12, с. 540].

Что касается Войска Польского, то тут существовал институт военных капелланов, в том числе и для представителей не католического вероисповедания. Известно, что военнослужащие православного вероисповедания были второй по численности верующих конфессиональной группой в польской армии. Основу этой группы составляли именно белорусы. В 1924 г., несмотря на сопротивление ряда чиновников и католического духовенства, были изданы правила организации душепастырской службы православного вероисповедания. В июле 1928 г. военное министерство приняло решение о том, чтобы призывники разных конфессий приносили военную присягу раздельно, в следующей последовательности: католики, евангелисты, православные. Текст присяги отличался с учетом особенностей обряда [18, с. 90 – 91].

В соответствии с приказом военного министра, солдаты Войска Польского православного вероисповедания имели возможность соблюдать свои религиозные праздники и обряды. Никому из военнослужащих не позволялось оскорблять религиозные чувства иноверцев. По существовавшим положениям, в гарнизонах, насчитывавших более 1 500 военнослужащих, устанавливались должности православного священника и старшего раввина. Кроме того, при военном министре в качестве советников состояли православный протопресвитер и главный раввин (оба в чине полковника). Согласно приказу, помимо непосредственно религиозной практики, духовенство должно было «стремиться к поднятию этики в среде военных, принимая участие в руководстве и проведении культурно-просветительской работы в воинских частях» [19, с. 64 – 65].

Польские власти понимали важность обеих вышеуказанных сфер, в том числе и в контексте проведения государственной молодежной политики, главной целью которой были фактическая полонизация молодого поколения Западной Беларуси и воспитание его в духе лояльности к существовавшему политическому режиму, отождествлявшемуся с государством. Поэтому естественно, что деятельность православного духовенства в школе и армии находилась под контролем соответствующих структур руководства системы образования и Войска Польского.

Кроме того, правящие круги 2-й РП вообще весьма настороженно относились к православному духовенству. Причем это недоверие сохранялось вплоть до конца 1930 гг. Так, белостокский воевода в 1935 г. отмечал, что «на протяжении нескольких лет с момента возрождения Польского государства православное духовенство являлось элементом русификации и оказывало негативное влияние на население, которое в значительной части вынуждено было перейти в православие. Это духовенство, которое при исполнении службы, а также обучении населения православию пользуется исключительно русским языком и отмечает, что по национальности они белорусы, являющиеся частью великой русской национальности, а не польской. Духовенство, особенно старшего поколения, являлось инструментом царского правительства при проведении антипольской политики. В настоящее время, являясь гражданами польского государства, это духовенство своей миссией и задачей считают проведение русификаторской политики. Такой либерализм в отношении проводимой негативной политики по отношению к польскому государству со стороны вышеотмеченного православного духовенства привел к уменьшению количества населения, которое признает себя поляками по переписи 1931 г.» [20, с. 148 – 149].

На конференции, посвященной активизации «польского элемента» на северо-западных землях 2-й РП, новоградский воевода обвинял православных священников в противостоянии административной власти в реализации кампании национальной ассимиляции. Помимо всего прочего, он заявлял следующее: «...Православие – вижу попытки интриг на территории. В прошлом году в Барановичах на 11 ноября в присутствии представителей польского генералитета – священник говорил речь по-русски. Мы слишком с ними цацкаемся, это скверный элемент, с ними не следует считаться. Говорить, слушать по-русски – их расчёт. В любом случае они прибегают именно к такому методу и все делают, а если нет, то следует искать правды в верхах, в епископате. Мы обходимся с ними слишком по-джентельменски и поэтому не получаем полной отдачи» [12, с. 454].

В связи с этим на протяжении всего межвоенного периода польские власти предпринимали попытки реформирования церкви в колонизаторском духе. Как отмечают современные исследователи, в результате православная церковь должна была превратиться в дополнительный фактор при строительстве польской национальной жизни в северо-восточных воеводствах Польши [21, с. 189]. Уже в 1923 г. польские чиновники высказывали убеждение, что с течением времени при соответствующей политике и под влиянием польской культуры православные белорусы превратятся в «поляков православного вероисповедания». Достичь поставленной цели планировалось через введение в церковное делопроизводство, богослужение, проповеди и обучение религии польского языка, организацию польскоязычной православной издательской и культурно-просветительской деятельности, переход церкви на Григорианский календарь, создание общественно-религиозного движения «православных поляков», назначение на церковные должности священников польской национальности. Особо подчеркивалось, что процесс колонизации православия должен исходить из армии [12, с. 533 – 534].

Частью вышеуказанной «соответствующей» политики должны были стать и мероприятия среди белорусских школьников и призывников-белорусов. Однако нужно признать, что больших достижений в области колонизации молодых православных белорусов в ходе обучения основам религии в школе достичь было невозможно. Дело в том, что значительная часть молодого поколения Западной Беларуси вообще не была охвачена школьным обучением. Кроме того, во 2-й РП 47% учащихся, проживавших в сельской местности, посещали школы первой ступени (I – IV классы), где и заканчивалось их обучение [22, с. 111]. В северо-восточных воеводствах Польши ситуация была еще хуже. Так, например, в Полесском воеводстве к 1939 г. 75,5% школ относились к школам первой ступени [23, с. 99]. После окончания обучения молодое поколение выходило из-под влияния учителей Закона Божьего и, в лучшем для польских властей случае, свою опеку над ними могли распространить проправительственные молодежные организации, никоим образом не связанные с православной церковью.

Более успешно обстояла ситуация в Войске Польском. Первые православные богослужения на польском языке начались в казармах в ноябре 1935 г. В одной из директив военного министерства (1938 г.) указывалось, что задачей ПАПЦ является как можно скорейшая колонизация солдат-белорусов. Результатом деятельности православных капелланов стало постепенное увеличение количества военнослужащих православного вероисповедания, которые называли себя поляками. Одновременно армейские власти строго следили за тем, чтобы военными капелланами не становились священники, считавшие себя белорусами или украинцами.

Тем не менее, следует отметить, что основная масса духовенства негативно отнеслась к колонизации православной церкви и хранила традиции русского православия. Впрочем, после начала Второй мировой войны проблема колонизации православия на территории Западной Беларуси перестала быть актуальной.

Заключение. Таким образом, подводя итоги, можно отметить следующее. В межвоенный период православная конфессия была одной из самых многочисленных на территории Западной Беларуси, которая на тот момент находилась в составе польского государства. В связи с этим и молодые православные белорусы составляли значительную часть молодого поколения региона. Все это вынуждены были учитывать польские власти при проведении своей политики, в том числе и в молодежной среде западнобелорусских воеводств 2-й Речи Посполитой. Поэтому они взяли курс на введение автокефалии и колонизацию православной церкви. Польская Автокефальная Православная Церковь должна была стать орудием превращения православных белорусов, в первую очередь молодых, в «поляков православного вероисповедания». Этому должна была способствовать не только непосредственно религиозная практика, но и деятельность духовенства в школе и армии. Наибольших успехов в данном направлении удалось достичь православным капелланам в Войске Польском. Однако в целом следует признать, что политика колонизации православия и колонизации православных белорусов на территории северо-восточных воеводств не принесла ожидаемых результатов.

Список цитируемых источников

1. Młodzież sięga po pracę. Załącznik, tablice / Kom. red.: H. Kołodziejski, K. Kornilowicz, L. Landau. – Warszawa: Instytut Gospodarstwa Społecznego, 1938. – 88 s.
2. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Białostockie. – Warszawa: Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1938. – 382 s.

3. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Nowogrodzkie. – Warszawa: Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1938. – 238 s.
4. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Poleskie. – Warszawa: Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1938. – 282 s.
5. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Wileńskie bez miasta Wilna. – Warszawa: Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1936. – 166 s.
6. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Miasto Wilno. – Warszawa: Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1937. – 104 s.
7. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.] – Мн.: Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
8. Srebrakowski, A. Struktura narodowościowa kresów północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1931–1939 / A. Srebrakowski // Przemiany narodowościowe na kresach wschodnich II Rzeczypospolitej 1931–1948 / pod red. S. Ciesielskiego. – Toruń: Adam Marszałek, 2004. – S. 127 – 148.
9. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.]: пад рэд. М. Касцюка. – Мн.: Экаперспектыва, 2006. – Т. 5: Беларусь у 1917 – 1945 гг. – 613 с.
10. Ярмусик, Э. С. Католический Костёл в Белоруссии в годы второй мировой войны (1939–1945) / Э. С. Ярмусик. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 240 с.
11. Пінчук, А. Сучаснае палажэнне беларускай вёскі. VII. Беларуская моладзь і польскія арганізацыі / А. Пінчук // Беларуская крыніца. – 1935. № 21. – 19 мая. – С. 3.
12. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921 – 1953 гг. В 2 кн. / А. А. Коваленя [и др.]. – Мн.: Беларуская навука, 2014. – Кн. 1. – 593 с.
13. Śleszyński, W. Polityka państwa w stosunku do Cerkwi prawosławnej na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej / W. Śleszyński // Kościoły a państwo na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim. Źródła i stan badań / pod red. M. Kietlińskiego. – Białystok: PRYMAT, 2005. – S. 312 – 324.
14. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ. – Оп. 1. Д. 305.
15. Statut Katalickiego Stowarzyszenia Młodzieży Żeńskiej. – Poznań, 1934. – 16 s.
16. Katolickie stowarzyszenia // Encyklopedia katolicka. – Lublin, 2000. – Т. 8. – S. 1093 – 1118.
17. Zew Młodzieży Wiejskiej. Jednodniówka ruchu młodowiejskiego pow. oszmiańskiego wydana z okazji istnienia 5-ciolecia oddziału powiatowego i 10-lecia Z.M.W. na terenie powiatu / Kom. red.: Z. Baranowiczówna, S. Skowroński, J. Dziewiecki. – Wilno: ZNICZ, 1933. – 16 s.
18. Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фарміраваннях 1918–1945 гадоў / Ю. Грыбоўскі. – Санкт-Пецярбург: Неўскі прасцяг, 2006. – 832 с.
19. Денисов, С. Политическая обработка солдата в буржуазных армиях. Наши западные соседи / С. Денисов, В. Ржевников. – М.: Государственное издательство, 1929. – 174 с.
20. Польша – Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов / сост.: А. Н. Вабишевич [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2012. – 423 с.
21. Латышонак, А. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч. – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 368 с.
22. Добрынин, М. А. История общеобразовательной школы и педагогической мысли Польши / М. А. Добрынин. – Брест: Альтернатива, 2008. – 340 с.
23. Вабішчэвіч, А. М. Асвета ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брест: Выдавецтва БрДУ, 2004. – 116 с.

Д. И. Лось

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», г. Гомель

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ И МОДЕЛЬ СУПРУЖЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Введение. Духовный кризис эпохи постмодернизма, переживаемый сегодня, непосредственно связан с общим глобальным кризисом нравственности и безрелигиозности подавляющей части современного общества. Белорусское общество не является исключением. Особенно сильным изменениям подвергаются отношения между людьми в супружестве. Активное заимствование ценностей массовой культуры молодыми белорусами ставит под сомнение прочность супружеских отношений, которые характеризуются неустойчивостью и краткосрочностью. Одним из возможных, на наш взгляд, выходов из сложившейся ситуации является возрождение отечественной культурно-исторической и религиозной традиций. Хотя в эпоху постмодерна, которую многие называют «пост-христианской», образ жизни, диктуемый массовой культурой вряд ли соответствует христианским идеалам, следует отметить, что многие христианские ценности не чужды для современников.

Основная часть. Потребительский подход и гедонизм проник сегодня и в отношения между супругами. Неустойчивость супружеских отношений подвергает разрушению институт нуклеарной семьи, как следствие мы сегодня наблюдаем рост разводов, низкую рождаемость и рост количества детей, рожденных вне брака. Распад семьи как основной ячейки общества, одного из основных социальных институтов общества приводит к невозможности воспитания подрастающего поколения духовно, нравственно и физически здоровым. Многие исследователи отмечают, что если супруги не осознают своей ответственности за создание духовной атмосферы единения и сопричастности, то семья обречена на распад. Духовная поврежденность, сформированная отношениями конфликта и раздора между близкими людьми, если она вовремя не осознана, обязательно перейдет в следующие поколения. Молодые люди в своем супружестве часто несознательно заимствуют модели поведения своих родителей, так называемые архетипы.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2015 году было зарегистрировано 82 030 браков, количество разводов составило 32 984 [1]. Если сравнить данные за 2015 и